

УДК 882-3:882-53

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПТА «ЭГО-ВРЕМЯ» В РУССКОМ ЭПОСЕ

Т. С. Соколова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

Объектом исследования являются имена прилагательные как признаковые слова, извлеченные из сборников русского эпоса. Функционирование и семантика имен прилагательных предстают объективным ресурсом фольклорного языка, репрезентирующим содержание концепта «эго-время» (возраст персонажа) в русском эпосе – былинах и исторических песнях.

Ключевые слова: фольклорный язык, функционирование, семантика, концептуальные признаки, традиция и вариативность.

Введение

Рабочая гипотеза. Полагают, что личностное пространство и персональное (эго) время человека для его внешней и внутренней идентификации определяется десятью тысячами свойств. Но из них человек реализует всего четыреста. В связи с этим в данной работе позволим себе выстроить исследовательскую перспективу. Какой объем свойств и качеств, осознаваемых человеком как актуальных, вербализован в текстах фольклорных жанров? Каким качествам отдает предпочтение народ-коллективный автор в раскрытии Вселенной фольклорного человека в том или ином жанре?

Выявленный языковой материал из текстов былин и исторических песен свидетельствует, что сказители особо выделяют возраст как одно из важнейших качеств человека. «Персонифицированное (эго) время» в качестве концепта в эпических текстах репрезентируется номинационным потенциалом, из которого количественно выделяется адекватный пласт, своей текстовой плотностью отражающий этнокультурную значимость концепта в сознании сказителей.

Теоретические установки, методы исследования

Значимость данных языка фольклора в формировании этнических (национальных) концептов особо подчеркивает Д. С. Лихачев «Концепт – ...результат столкновения словарного значения слова с личным, народным опытом человека. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, изобразительное искусство, соотнесенные с историческим опытом нации, религией. Особое значение в содержании национальной концептосферы принадлежит писателям, носителям фольклора...» [1, с. 4].

Полностью разделяя данное утверждение, отметим, что в русле лингвокогнитивных наблюдений общесловесное текстовое пространство предстает богатейшим информационным источником этнокультурных сведений об адаптационном опыте русского человека в познании внешнего и своего внутреннего мироустройства.

Модель концепта «эго-время» как жанровая версия в фольклорной темпоральности отличается многослойностью в своем содержании, которая выявляется с опорой на комплекс исследовательских действий, а именно: анализ узкого и широкого контекста, компонентный анализ фольклорной семантики, привлечение фоновых знаний, учет количественно-статистических сведений.

Наряду с указанным исследовательским инструментарием охарактеризуем **источник языкового материала**. В работе источником «возрастных» фольклорных реалий явились академические сборники эпических текстов, в частности, северно-русских (онежских) былин и северных вариантов исторических песен, которые были записаны во второй половине XIX – начале XX вв., в так называемый классический период в истории собирательства эпических жанров русского фольклора.

Эспериментальная часть

Индивидуальное пространство и время человека проявляется во внешности через возрастные, параметрические характеристики и совокупность внутренних качеств (интеллект, волевые, нравственно-этические качества). Указание на возраст человека (персонажа, действующего лица) – существенная черта фольклорного эпического языка, но с жанровыми особенностями в номинационном, стилистическом выражении. Традиционно обязательное обозначение приблизительного возраста – это вербальное свидетельство этнокультурного и, вероятно, общечеловеческого стереотипа сознания, но со своими отличиями у каждого народа.

В русских эпических текстах из пяти тысяч словоупотреблений антропометрических имен прилагательных по своей частотности (1958 фиксаций) выделяются адъективы из тематической группы «возраст», что составляет 39 % от общего числа употреблений признаков лексем.

В пределах тематической группы «возраст» выделяются две лексико-семантические группы прилагательных, которые определяют приблизительный возраст человека:

– безотносительно к кому-либо: **молодой / младой (молоденький, молодешенький / младешенький), премладой, малый, (маленький, малешенький), глупый (глупешенький); старый, матерый, старо-матерый, престарый, древний, преддревний;**

– по отношению к другим людям, с которыми персонаж связан родственными узлами: **большой, старший, средний / середний, меньший.**

Структурная организация лексико-семантических групп прилагательных, определяющих возраст человека безотносительно к кому-либо, представляет собой два синонимических ряда:

– молодой / младой (молоденький, молодешенький / младешенький), премладой, малый (маленький, малешенький), глупый (глупешенький);

– старый, матерый, старо-матерый, престарый, древний, преддревний. В пределах данных синонимических рядов прилагательные объединяются соответственно общим семантическим признаком ‘*степень молодого / старого возраста*’.

Анализ сочетаемости прилагательных, обозначающих соответствующую меру молодого или старого возраста человека, показал, что они, отличаясь разной частотностью и избирательностью в характере сочетаемости, мотивированной в данном случае логическими причинами, определяют очень большой круг существительных, условно объединяемых нами в следующие тематические группы: «знать» (**царь, князь, княгиня, боярин** и др.); «должностное лицо» (**посол, писарь, клюшничек, стольник** и др.); «воин» (**богатырь, стрелец, борец, поединщик** и др.); «родня» (**батюшка, матушка, племянница** и др.); «народ (вообще)» (**люди, баба, калика, деточки** и др.); «человек из чужой земли (враг)» (**Тугарин Змиевич, Кострюк, турцяночка, нахвальщик** и др.).

Наибольшей частотностью в сочетании с существительными из приведенного круга отличаются слова **старый и молодой** (62 % от общего числа употреблений прилагательных возрастной группы), которые, кроме того, функционируют в качестве определений и к именам собственным, называющим фольклорные персонажи.

Сочетание «молодой / старый + имя собственное» широко распространено в следующих случаях:

а) В прямой речи действующих лиц: – **Молодой Василий да Никулич** ли! Не угодно ли с моими дворянами потешиться... [2 (Г.,1), с. 187];

б) Ай ты **старый Никита да Романович**, Ай ты шуриш да любимый... [2 (Г., 1), с. 241]; **Молодая Фетма Тимофеевна!** Уйми свое чадо малое **молода Василия Буславьева**... [2 (Г.,1), с. 429];

в) В ситуации представления фольклорного персонажа, введения его в действие и т.п.: Жил был удалой добрый молодец, **Молодой Добрынюшка Никитинич**... [2 (Г., 1), с. 538]; Да во той было Корелы во проклятыи А был **молодой боярин Дюк Степанович**... [2 (Г., 3), с. 197]; Вышел **старый Пермин да сын Иванович**, понизешеньку князю поклоняется [2 (Г., 1), с. 98]. Использование прилагательных **старый и молодой**

в сочетании с именем собственным мы определяем как прием «величания, представления» фольклорного персонажа, который является почти правилом в традиции именно эпических сказителей.

Наибольшая частотность прилагательных *молодой* и *старый* при определении возраста человека, их широкая лексическая сочетаемость, а также частотность совместной встречаемости в контекстах в функции противопоставлений являются основаниями для определения данных прилагательных как доминант приведенных выше синонимических рядов: Да что мне *старому* жениться... Молодая та жена взять чужа корысть, да мне-ка *старой жены* взять не хочется [2 (Г., 3), с. 162]; Говорит Настасья дочь Никулична (поляница удалая – Т. С.): – Ежели *богатырь* да он *старый*, Я богатырю да голову срублю, Ежели *богатырь* да он *младыи*, Я богатыря в полон возьму [2 (Г., 2), с. 148]; На лице он *ни млад, ни стар*... [2 (И.п.), с. 183] и т. п.

Концептуальный слой «от младенчества до взрослости»

Прилагательные из синонимического ряда молодой / младой (молоденький, премладой, малый (маленький, малешенький), к функциональному анализу которых на уровне широкого контекста мы далее переходим, в традиции северных сказителей используются для обозначения молодого возраста, граница которого условно определяется так: от младенчества до взрослости (молодости). При расположении прилагательных подобным образом как членов синонимического ряда мы имеем в виду то, что, во-первых, исходную позицию занимает доминанта синонимического ряда, во-вторых, упорядоченность остальных компонентов синонимического ряда должна регулироваться степенью обозначаемого качества, а также степенью выражения эмоционально-оценочного созначения.

«Младенчество, детство». По наблюдениям из нашего материала, в эпосе прилагательное *молодой / младой* определяет детский возраст и даже младенческий: Бери-ко себе золотой казны, Ты столько бери, сколько надобно, Чтоб было твоим малым детушкам да осталось твоим *младым внучатом* [2 (Г., 2), с. 535]; Бай-бай, бай-бай, бай, *турець молодой*, По имени не знаю, как звать, По батюшке татарский сын, По матенке бояринок... [2 (И. п.), с. 76]. Значение, актуализируемое в приведенных контекстах прилагательным *молодой / младой*, – ‘проживший мало лет (месяцев)’.

В фольклорном повествовании прилагательное *малый* используется для обозначения только детского (младенческого) возраста, причем отмечается частотность суффиксальных образований *маленький, малешенький*: А и *вьюноша* тут *малого*, А он выдернул из люлечки... [2 (Г., 1), с. 23]; ...Увезен был *маленьким ребеночком*, Увезли меня татары поганьи... [2 (Г., 2), с. 149]; Я от батюшки остался *малешенек*... [2 (Г., 2), с. 679]. Ср. со значением ‘только что родившийся, возникший’, которое В. В. Колесов отмечает как самое древнее в семантической структуре лексемы *молодой* [3, с. 82].

Актуализируя значение ‘проживший мало лет (месяцев)’, прилагательное *малый (маленький, малешенький)* является семантически очень близким к прилагательному *молодой*, в семантическом объеме которого, как было отмечено выше, также содержится указанное значение.

Относительно прилагательного *глупый (глупешенек)*, которое мы сочли возможным включить в синонимический ряд прилагательных, обозначающих молодой возраст, отметим следующее. В эпических фольклорных текстах прилагательное *глупый* в качестве номинации определенной степени молодого возраста функционирует только как компонент синонимического блока *малый ... глупый (малешенек ... глупешенек, младешенек ... глупешенек)*, который используется по отношению к существительным, называющим лиц детского возраста: *деточки (детушки, детоньки), ребята (ребятки, ребятушки), юноши (вьюнышки)* и т. п.: Да и у той ли малой худой хизинки Ходит *малых* два *глупых* два *вьюнышка*... [2 (Г., 2), с. 156]; Твою-то матушку *малым-то малешеньку Глупым-то глупешеньку*, семилетнюю во полон взяли [2 (И. п.), с. 73].

В структуре значения, актуализируемого прилагательным *глупый* в качестве компонента синонимического блока *малый ... глупый*, более четко проявляется сема ‘проживший мало лет, незрелый’, которая указывает на степень возрастного признака и на основании которой *глупый* вступает в тесное семантическое единство с прилагательным

малый. Ср. с одним из оттенков значений, приводимых в словаре: «в прост. и обл. юный, незрелый (о детях и молодых людях). С глупых лет, т. е. с малых лет (в прост.)» [4, т. 3, с. 149].

«**Молодость**». Причина функционального приоритета «эпической» молодости (взрослости) как свидетельство значимости данного возрастного параметра заключается в следующем. Отличаясь широкой лексической сочетаемостью, адъективы **молодой / младой** жанрово объективируют комплекс значимых концептуальных признаков: ‘*ступень возмужалости*’, ‘*работоспособность*’, ‘*социальная значимость возрастной поры (молодости) человека*’, когда он находится в прямых и косвенных отношениях с очень большим кругом лиц. Здесь попутно можно заметить, что в традиции эпического языка при идентификации существенных антропометрических признаков актуально вначале человека «*встретить по возрасту*». Репрезентация других параметров человека: «*встретить по одежке, проводить по уму*» – также присутствует с жанровыми особенностями в эпическом тексте, но эксплицитно значимыми «вестиальными» и «интеллектуальными» признаки заявлены в паремии – малом фольклорном жанре.

В абсолютном большинстве прилагательное **молодой / младой** функционирует при именах существительных, называющих лиц, возраст которых уже позволяет, судя по жанровым сюжетам:

а) присутствовать им на пиру у эпического правителя: Да сидит ли **младой Добрынюшка Никитинич**, Он похвастал своим-то конем богатырским, И тот Ермак Тимофеев сын, Он похвастал своей силой богатырскою [2 (Г., 2), с. 128];

б) быть причастным к воинскому делу, сражаясь с «ратью-силою в чистом поле» или в поединке с противником один на один: **Молодой Илья да сын Иванович** Он прибил же тое войско ли бусарское, Всих татар, да всих поганых... [2 (Г., 1), с. 112];

в) «исполнять службу в миру»: Государь прижалился, Послал **молодых послов** Послал во всей орды... [2 (Г., 2), с. 608];

г) отправиться в путь-дорогу, чтобы повидать белый свет: Ай ты **молодой Викула Селягин сын!** Поедем с нами в Курчевец, Поедем с нами в Ореховец... [2 (Г., 1), с. 109];

д) жениться и выйти замуж: **Молодой Иванушко Гоудинович** Похотел то он да пожениться [2 (Г., 2), с. 112]; Поезжай-то ты... К тому ли королю да ляховинскому о добром деле есть о сватовстве На **молодой Опракши** королевичной [2 (Г., 1), с. 329].

Как свидетельствует материал, контекстные ситуации и круг существительных, определяемых прилагательным **молодой / младой**, самые разнообразные, и во всех случаях существенным из всех возможных качеств является указание, прежде всего, на возраст человека в значении ‘*взрослый, вошедший в лета*’.

Таким образом, функционируя в текстах фольклорного эпического повествования лексемы **молодой / младой, малый, глупый**, определяя различные ступени молодого возраста, находятся, с одной стороны, в отношениях наибольшей семантической близости при обозначении детского (младенческого) возраста, с другой стороны, прилагательные **малый, глупый**, определяя только детский (младенческий) возраст, дифференцируются тем самым от прилагательного **молодой**, которое семантически оказывается более объемным при обозначении степеней возрастного признака в эпических текстах.

Концептуальный слой «старость, матерство»

Своеобразие состава синонимического ряда прилагательных **старый, матерый, старо-матерый, престарый, древний, предревний** создается за счет слова **матерый**, являющегося в языке эпических жанров семантическим диалектизмом. Отметим, что термин семантический диалектизм мы употребляем применительно к прилагательным, вообще утратившим в общенародном языке XIX в. функцию номинации определенного качества человека, но сохранившим ее в лексической системе северных говоров в период записей фольклорных текстов.

Определяя существительные из указанных выше тематических групп, прилагательное **старый** функционирует как компонент свободных сочетаний: Приходит ко городу ко Киеву И стучает под окошечко у **старой вдовы** Офимьи Александровны... [2 (Г., 1), с. 301]; Поезжаешь, Добрыня, на чисто поле На кого оставляешь **стару ма-**

тушку... [2 (Г., 1), с. 587]; Наезжает-то он в поли *стара ратоя...* – А Бог теби помочь, да *старья старик* Ай Микула Селянинович [2 (Г., 1), с. 513].

В контекстах, в которых функционирует слово *старый*, отсутствуют какие-либо показатели, явно подтверждающие структуру значения 'достижий старости'; в них лишь констатируется данный возрастной признак.

В наших материалах прилагательное *матерый*, как правило, употребляется в качестве компонента синонимического блока *старый ... матерый*, находясь в обязательной постпозиции (контактной, дистантной) по отношению к лексеме *старый*, определяя вместе с ним имена существительные: *человек, калика, дядюшка, жена, богатырь*: -Да скажи-ко мне, *старый матерый человек*, да как тебя да именем зовут, Хотя знал у кого хлеба кушати? [2 (Г., 2), с. 177]; Ты здравствуешь, *калика* было *старая*, *Старая калика* ты *матера*, Ты *матера* калика да седатая... [2 (Г., 1), с. 172]; А послушали тут *дядюшки* да *стараго*, *Стараго* тут *дядюшки матераго...* [2 (Г., 1), с. 232].

При функционировании в фольклорном эпическом тексте закрепленная позиция прилагательного *матерый* именно после слова *старый*, с нашей точки зрения, не случайна. Она, как мы считаем, восходит к факту, имевшему место в языке раннего периода, когда прилагательные *старый* и *матерый* находились в отношении градуальной синонимии и отражали в своей семантике последовательность степеней возрастного признака, которые в жизни древних славян определялись как старость и матерство. Возрастные ступени, на которые членился жизненный путь человека в Древней Руси, как отмечается в памятнике (название памятника отсутствует; скоропись XVII в.), следовали в таком порядке: «младенец – до 7 лет, «егда бывает зубом испадение», отроча до 14 лет, детище – до 21 года, «и от толе юноша», от 21 года до 29 – «юноша и от толе мужь», муж – от 29 лет до 35 и «от толе средовечен», средовечен – до 42 лет, «стерьбль» – до 49 лет, старец – до 56 лет», за этим идет возраст, который определялся как матерый без указания границ [5, с. 4]. Поясним, существительное *стерьбль* в древнерусском языке обозначало человека зрелого возраста [6, с. 63].

Однако со временем, видимо, лексема *матерый* перестает столь четко отражать в своей семантике одну из ступеней старого возраста, становясь семантически близкой к прилагательному *старый*.

О том, что прилагательное *матерый* при определении возраста человека в старости было нормой в разговорной речи сказителей Севера, свидетельствует также запись одной из бесед собирателя Е. В. Барсова с известнейшей сказительницей, плакальщицей Северного края – Ириной Федосовой, которая рассказывала собирателю о традициях свадебного обряда, о своем замужестве: «Ну, что ты, говорю, берешь меня; Я человек молодой (сказительнице было 19 лет), ты матерой (за 60 - жениху, отмечает собиратель), мне поважено по свадьбам ходить да игры водить...» [7, ч. I, с. 31].

Таким образом, в языке эпоса контактная и дистантная постпозиция прилагательного *матерый* по отношению к лексеме *старый* обуславливается былой последовательностью возрастных ступеней, на которые членился жизненный путь человека. В исследуемом материале семантически данные прилагательные при функционировании оказываются, по нашему мнению, очень близкими, и поэтому значение прилагательного *матерый* мы определяем как '*старый, проживший много лет*'. Дифференцированность же этих прилагательных как слов, передающих разные ступени старого возраста, в эпическом тексте менее ощутима.

Полагаем, что в языке фольклора тесной семантической связью, существующей между словами *старый* и *матерый*, объясняется их объединение в единый акцентный комплекс в виде сложного прилагательного *старо-матерый*, которое в качестве определения используется преимущественно при именах существительных, называющих женщин: *старо-матера (старо-матерна, старо-материа) жена, старуха*: Тут идут же от обедни *жены старо-матеры*. - Уж вы здравствуйте, артель да *жены старо-матеры!* [2 (Г., 1), с. 207]; Говорила *жена старо-матера...* Изученье вижу твое полное, да не знать тебе ни имени, ни вотчины [2 (Г., 1), с. 209]; ...Как сидит *старуха старо-материа* На печи да у печна столба... [2 (Г., 3), с. 136].

Сложное прилагательное *старо-матерый*, по-видимому, актуализирует значение, которое по объему равно сумме значений 'достижий старости' и '*старый, про-*

живший много лет», реализуемых прилагательными *старый* и *матерый* в составе синонимического блока *старый ... матерый*.

Следующими компонентами из синонимического ряда с доминантой *старый* являются слова *престарый, древний (преддревний)*, которые, определяя номинации лиц преклонного возраста (*старуха, дедушка* и т. д.), функционируют преимущественно в одном синтагматическом ряду:

а) или только в присутствии друг друга: А и говорила старуха та *престарая* да *преддревняя*... [2 (Г., 3), с. 91];

б) или при наличии другого прилагательного, тематически связанного с ними (*темный* – ‘утративший зрение в связи с преклонным возрастом’): – Здравствуешь, *престарый* да *дедушка*, *Древний* ты *темный* [2 (Г., 1), с. 99]; А ты съезди-тко да к моему было родителю – К *древнему* да *батюшку*, К *древнему* да *темному* [2 (Г., 1), с. 99].

Структура значения, реализуемого прилагательными *древний (преддревний)*, ‘достигший глубокой старости’, в отличие от значения ‘достигший старости’, актуализируемого словом *старый*, осложняется, по нашему мнению, включением семы ‘глубокая’, указывающей на степень старого возраста. В приведенных выше примерах реализация одного и того же значения ‘достигший глубокой старости’ прилагательными *престарый...преддревний, престарый...древний* нами рассматривается как экспрессивное выделение, подчеркивание степени возрастного признака.

Концептуальный слой «старший ...меньший»

Обратимся к лексико-семантической группе прилагательных, определяющих приблизительный возраст человека по отношению к другим людям. Основанием для выделения прилагательных *большой, старший, средний / середний, меньший* в отдельную группу, в пределах которой они объединяются общей семой ‘степень возраста в сравнении с кем-либо’, послужило то, что в фольклорных эпических текстах указанные прилагательные характеризуют возраст человека не как таковой, а обязательно по отношению к другим людям, с которыми этот персонаж связан родственными (семейными) узами.

В связи с этим выделенные лексемы выступают в роли определений только к существительным из тематической группы «кровная родня»: *сын, дочь, брат, сестра, племянник*... и т. п. и при этом в самых различных контекстных ситуациях: Есть у меня два сына любимые. *Большой сын* - Ванюшка, *Меньшой сын* - Потанюшка [2 (Г., 3), с. 376]. А и спроговорит *средней-от сын* Иван Ивановичь ... [2 (И. п.), с. 336]; А *средняя дочи* спощла, Схватила подворотенку... Хочет Илье Муромцу придать... [2 (Г., 2), с. 27]; *Большой* от ведь *брат* говорит: а мне не с кем бороться [2 (И. п.), с. 176]. Это есть не татарин косинский, А мой *старший братец* родимый... [2 (Г., 2), с. 688]; *Средней-от брат* говорит: «А мне не с кем бороться...» [2 (Г., 2), с. 577]; А задумал царь Иван Васильевич жениться... У того у Кострюка *на меньшей сестре* [2 (И.п.), с. 131].

В фольклорных эпических текстах в структурах значений, актуализируемых прилагательными:

– *большой* или *старший* – ‘по возрасту старший среди кровных родственников’;
– *средний / середний* – ‘занимающий промежуточное положение по возрасту среди кровных родственников’;

– *меньшии* – ‘младший по возрасту среди кровных родственников’, наличие семантического признака ‘кровный родственник’ обуславливается, как мы указывали выше, сочетаемостью с существительными *брат, сестра, сын, дочь* и т. п. из тематической группы «кровная родня». В ряду лексем, называющих родственников, особое место занимает слово *брат*, которое в эпических жанрах может обозначать и некровного родственника. В этом значении существительное *брат* в сочетании с прилагательными *большой, старший, средний / середний, меньший* функционирует в контекстах, описывающих обряд побратимства между фольклорными персонажами, т.е. совершение взаимной клятвы «навек слушать друг друга». При этом названные братья обменивались крестами, платьем, конями. Тут они крестами да побратались, который же из них был *старший брат*? Старый казак *Илья Муромец* был *старший брат*, Молодой *Добрыня сын Никитинич* был *средний брат*, А *Михаиле Потык сын Иваниче* был *меньший*

брат [2 (Г., 2), с. 486]; ...**Илья** есть мне **братец названный**: Он мне есть **братец больший**, А я ему **братец меньший** [2 (Г., 2), с. 447].

Степень возрастного признака, обозначаемого прилагательными **большой, старший, средний / середний, меньший** в сочетании с лексемой **брат (названный, крестовый)**, определяла степень воинской подчиненности среди названных братьев, поэтому структуры значений указанных прилагательных могут быть представлены следующим образом:

– **большой или старший** – ‘старший по возрасту и главный по положению как воин среди названных братьев’;

– **средний / середний** – ‘занимающий промежуточное положение по возрасту и по положению как воин среди названных братьев’;

– **меньший** – ‘младший по возрасту и по положению как воин среди названных братьев’.

Заключение

Подведем итог рассмотренному материалу. В фольклорных эпических текстах «возрастные» адъективы отличаются функциональной вариативностью, высокой частотностью, избирательностью в сочетаемости, контекстуальной полисемией. По сути, в языке фольклора, согласно мнению Д. С. Лихачева, концепт существует не только для каждого слова, но и для каждого его лексико-семантического варианта. На уровне парадигматики признаковые лексемы образуют синонимические ряды, объединяются в блоки, вступают в градуальные, антонимические отношения. Отмеченные «жизненно активные» функциональные признаки на примере возрастного лексикона в текстовом пространстве русского эпоса убеждают в значимости феномена фольклорного языка, в тонкой работе коллективного автора над словом, в целесообразной сосредоточенности на жанровом комплексе вербальных способов воплощения значимых концептуальных смыслов. И наконец, перефразируя поговорку, заключим, что в русском эпосе персональное (это) «время – честный человек».

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия «Литература. Языкознание». – 1983. – Т. 52. – № 1. – С. 3 – 9.
2. Источники и их условные сокращения: Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. – В 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 149-1951 (Г.); Исторические песни XIII – XVI вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 696 с. (И.п.). В ссылках после примеров в круглых скобках дано условное сокращение источника, следующая цифра обозначает номер тома.
3. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. – В 17 т. – Т. 1 – 17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1956.
5. Описания русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленные А.Х. Востоковым. – СПб., 1842. – 900 с.
6. Еленски Й. Историческая лексикология русского языка. – Велико Търново, 1980. – 293 с.
7. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. – В 2-х частях. – М., 1872.

LEXICAL-SEMANTIC PARAMETERS OF CONCEPT “EGO-TIME” IN RUSSIAN EPOS

T. S. Sokolova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

The subject of research is adjectives, taken from the collections of Russian epos. Functioning and semantics of adjectives is objective resource of folklore language, representing the concept “ego-time” (age of personage) in Russian epos (bylinas, historical songs).

Keywords: folklore language, functioning, semantic, conceptual signs, tradition and variation.